Луна и заяц

Луна сказала зайцу:

— Когда кто-нибудь умрет, он уйдет ненадолго, а потом вернется.

А заяц сказал:

— Нет, мне это не нравится. Не может же человек, который вернулся из мертвых, хорошо пахнуть?

Вот что сказал заяц.

Но луна сказала, что умерший будет хорошо пахнуть, когда вернется. Она сказала, что, если человек умрет, он снова вернется к жизни. Подобно луне, он будет умирать, но возвращаться снова, как возвращается луна, когда люди, встав лицом к западу, бросают назад, к востоку, ее лопатку. Вот что сказала луна, она сказала, что, когда кто-нибудь умрет, он уйдет и вернется. Он вернется, вернется к своей семье.

Но заяц сказал:

— Люди будут умирать навсегда и не возвращаться!

Луна снова не согласилась и сказала:

— Тела будут хорошо пахнуть после смерти. Умершие умрут, а потом вернутся, как я возвращаюсь.

Так луна и делает — умирает, а потом нарастает снова и висит в небе. Вы сами это видели.

Слова луны были хорошими, а заяц говорил плохо. Луна держит слово и всегда возвращается, когда мы думаем, что она уже умерла. Но заяц с его расщепленной губой — это ужасное существо. В тот день заяц расцарапал луне лицо своими когтями. А луна взяла топор и ударила им зайца по губе так, что она расщепилась.

Да, этот маленький заяц плохой.

Содержание

Вступление 7
О чем эта книжка 7
Несколько замечаний для внимательных читателей 9

Глава первая. Австралия 13
Частичная изоляция 15
Неудачный континент 18
Пространство и время 22
Рыбы едят эму 28
Время сновидений 31
Тропы песен 36
Шанс Бакли 46
Эму любят крыс 53
Мир меняется 57

Глава вторая. Пустыни Южной Африки 66
Заики и изгои 68
Особая ветвь 72
Ужасное существо 77
Противоестественность смерти 79
Приключения бога-богомола 82
Золото на холме шакалов 87

Другие койсаны ... **91**
Мочки, стрелы, ритуалы ... **94**
Трансы в Бушменленде ... **104**

Глава третья. Тихий океан ... **118**
Народ мореплавателей ... **121**
Герой и его мана ... **127**
Человек и рыба ... **131**
Капитан ... **138**
Кахуны и вулканы ... **147**
Капу и экосистемы ... **154**
Сандвичевы острова ... **160**
Смерть мореплавателя ... **163**
Мана капитана ... **169**
Кризис приближается ... **172**

Глава четвертая. Великие равнины ... **179**
Столкновение ... **184**
Сиу и их войны ... **187**
Неудачник Тайвоци и четыре бизона ... **190**
Святые и пароходы ... **195**
Путешествия связанных ... **200**
В мир мертвых ... **204**
Все наоборот ... **207**
Танцы и кровь ... **210**
Сидящий Бык на поле боя ... **214**

Хороший день для смерти ... **219**
Пляска духов ... **223**
Развязка ... **229**

Глава пятая. Планета Земля ... **238**
Освоенная планета ... **243**
Мифы земледельцев ... **248**
Власть символов ... **254**
Метан священной коровы ... **260**
Злаки и боги ... **266**
Экониша пуста не бывает ... **270**
Стерегущие мост ... **274**
Кит с природой Будды ... **279**
Эвкалипты и ослы ... **283**
Гораздо лучше их ... **288**
Возвращение к истокам ... **294**

Благодарности ... **307**

Список иллюстраций ... **309**

Вступление

Вступления к научно-популярным книжкам — самая бесполезная вещь на свете. Все только и ждут, когда ты бросишь рассусоливать ненужную теоретическую чепуху и перейдешь к делу. Не волнуйтесь, много времени вступление у вас не отнимет. Но кое-что сказать все-таки надо.

О чем эта книжка

В 1960-е годы шведский религиовед Оке Хультkранц предположил, что религия может зависеть от окружающей среды и меняться вместе с экологическими условиями. Мысль эта была тогда многими встречена в штыки[1]. Религия — сфера духовная. При чем тут биология и география?

Спустя полвека сомнения в правоте Хультkранца высказывают нечасто. Каждый год выходят новые статьи, а нередко и большие монографии, рассматривающие связь между религией и экологией. Гарвардский университет издает об этом многотомную серию книг. Даже духовные лидеры, которые в 1960-е об экологических проблемах упоминали редко, сегодня регулярно обращаются к ним в проповедях, осторожно говоря о том, что религиозные учения могут быть как-то со всем этим связаны.

Но, может быть, все это фикция? Есть ли в действительности связь между религией и окружающей средой? Влияет ли христианство на глобальное потепление и, наоборот, растительность Австралии на культы аборигенов — помимо того очевидного факта, что в австралийских мифах встречаются кенгуру и коалы, а в древнегреческих преданиях мы их не найдем?

Может ли окружающая природа определить наши ритуалы? Наши страхи и надежды? Властна ли она хоть в какой-то степени над нашей этикой? И наоборот: меняют ли религии ландшафт вокруг нас? Как они учат нас относиться не только друг к другу, но и ко всему живому?

Во всем этом мы и постараемся разобраться. А чтобы связь между окружающей средой и верованиями людей предстала перед нами наиболее ясно, обратимся сначала к тем уголкам планеты, где суровые условия заставляют человека всегда помнить об окружающем мире. Таких мест на свете много: пустыни, бескрайние снега, крошечные острова, от которых до ближайшей суши тысячи километров. Туда мы и отправимся: к аборигенам в пустыни Австралии, южноафриканским койсанам в Калахари и ее окрестности, индейцам Великих равнин и затерянным в Тихом океане гавайцам[2]. Может быть, критические обстоятельства их жизни прояснят для нас то, что в более благополучных краях не так бросается в глаза. Ну а заодно обсудим интересных людей, удивительные мифы и обычаи, совершенно непохожие на наши. И только затем,

в последней части книги, вернемся к традиционным религиям Евразии.

Я не знаю, может ли нас чему-то научить опыт народов, живущих в совершенно иных географических условиях и этических категориях. Думаю, так просто это не работает. Может быть, практической пользы от чтения этой книги немного: о том, что надо оберегать окружающую среду, вы и так знаете, а знакомство с австралийскими мифами и легендами сиу еще никому не помогло ни забить гвоздь, ни поймать рыбу на крючок (хотя в последнем случае полинезийский фольклор не повредит). Да, может быть, как говорил Гоголь, тут «пользы отечеству решительно никакой». Ручаюсь только, что путешествие будет интересным.

Несколько замечаний для внимательных читателей

(Их можно пропустить и сразу переходить к тексту)

Формат научно-популярной книги не подразумевает строгих правил оформления текста. И все же оставлять вас вовсе без ссылок мне не хотелось. Во-первых, это было бы нечестно по отношению к авторам, у которых я почерпнул те или иные факты, идеи и теории. Во-вторых, мне хочется верить, что у многих из вас после прочтения моего текста появится желание глубже ознакомиться с поднятыми в нем вопросами. Ограничиваться списком литературы тоже было бы досадно — как бы вы поняли, что именно и в какой книжке нужно искать?

Ссылки — это дорожные знаки, которые указывают, куда стоит свернуть любопытному путешественнику.

В то же время я прекрасно осознаю, что специалисты по австралийским аборигенам, койсанам или полинезийцам ничего нового в моей книге не найдут. Так что ссылки я решил разместить так, чтобы они были полезны для заинтересованного читателя, не занимающегося религиоведением или этнографией профессионально.

На практике это значит, что, во-первых, я ссылаюсь везде, где что-то цитирую, и всегда, когда могу посоветовать почитать что-то интересное на соответствующую тему. Во-вторых, я стараюсь подбирать ссылки на русскоязычные источники. Если их нет (а такое, к сожалению, часто случается), я ссылаюсь на англоязычные или совмещаю русские и английские. В-третьих, предпочтение я отдаю тем источникам и исследованиям, которые можно найти в интернете. Как говорится, «Гугл» в помощь! И лишь в том случае, когда без этого совсем нельзя обойтись, я ссылаюсь на книги, за которыми вам все-таки придется сходить в библиотеку. При этом я указываю и страницы, на которых находятся нужные сведения, а в тех материалах, которые проще найти в Сети, ставлю ссылку на главу или параграф.

Так же по старой религиоведческой традиции я поступаю, ссылаясь на священные тексты, прежде всего на Библию, — чтобы вы смогли прочесть соответствующие главу и стих в любом доступном издании.

Итак, дорожные указатели и знаки расставлены. Думаю, пора отправляться в путь — и начать повествование

с людей, для которых странствия были одновременно и традицией, и частью взросления, и мифом.

Разобраться в тексте вам помогут карты. Ссылки на них, как и на цветные версии иллюстраций, вы сможете найти на специальных страницах в интернете: просто наведите свой телефон на QR-коды в каждой главе и перейдите по адресу.

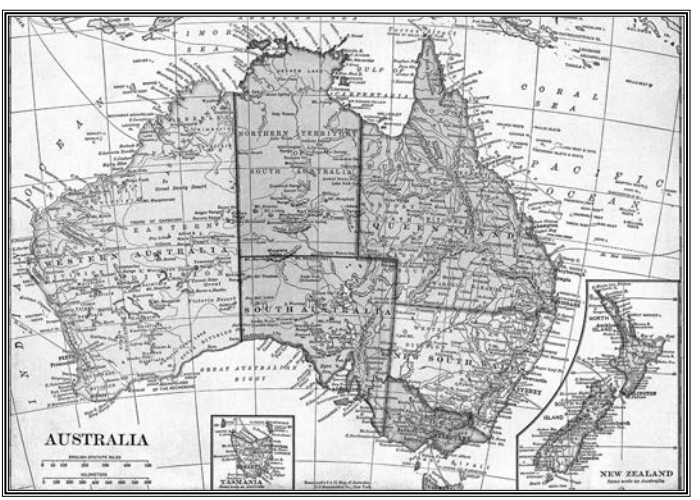
Примечания

1. О подробностях этой истории см.: Белик А.А. Экология религии // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1988. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. — С. 260–269.
2. К этому ряду можно было бы прибавить и еще одну большую группу: народы Крайнего Севера. Я не делаю этого только потому, что на русском языке о них и без меня написано очень много. Желающие могут начать свое знакомство с этими народами с библиографического списка, составленного С.Е. Гусевой, охватывающего только русскоязычные труды, далеко не полного и насчитывающего 209 пунктов: Гусева С.Е. Коренные народы Арктики и Севера: библиографический список // Арктика и Север. — 2013. — №12. https://cyberleninka.ru/article/n/korennye-narody-arktiki-i-severa-bibliograficheskiy-spisok.

Глава первая

Австралия

Инапертва — Динго и трепанги — Сокол похищает огонь — Время течет на запад — Преданность рыбы-когтя — Предки из снов — Повсевременность священного — Песня как карта — Удача неудачника — Море, сын Черепахи — Чуринги — Украденные поколения



◈ ◈ ◈

«Во времена сновидений пустыня была пуста и безлюдна» — этими словами начинается один из записанных этнографами австралийских мифов. Однако нельзя сказать, что в ней вовсе не было жизни. Посреди нее дремали существа, которые назывались инапертва. Они представляли собой что-то вроде кусков мяса или зародышей.

У инапертва не было ни рук, ни ног, они не могли двигаться, не слышали и не видели. Так продолжалось, пока их нашли двое братьев, блуждавших по пустыне. Братья взяли в руки каменные ножи и принялись за дело. Сперва вытянули инапертва руки и надрезали их так, чтобы получились пальцы. Потом изготовили ноги, слепили носы и прокрутили в них ноздри, вырезали рты и глаза. Словом, из живых комков братья сделали людей. А затем сами превратились в ящериц — и были таковы.

◈ ◈ ◈

Этот миф, принадлежащий племени[1] аранда, живущему практически в самом центре австралийского континента, наверное, один из самых известных местных[2]. Все в нем необычно: люди, которые не сразу становятся людьми; пейзажи, до поры до времени лишенные и жизни, и звука; таинственные силы, способные все это исправить. Как в любом мифе, в рассказе аранда о творении людей нет ничего

случайного. И его едва ли возможно вообразить вне Австралии, в которой люди придавали звукам и снам, духам и ландшафтам большее значение, чем, вероятно, где бы то ни было на планете. А значит, для нашего путешествия в поисках связи экологии и религии лучше стартовой точки не найти.

Частичная изоляция

Принято считать, что австралийцы представляли собой одну из самых изолированных популяций на планете, пока их не открыл Кук. Это не совсем так. Во-первых, европейцы с австралийцами контактировали и до Кука — еще в 1606 году на берег Австралии высадилась команда голландского капитана Виллема Янсзона. Контакт вышел не слишком удачным: потеряв в схватке около десятка человек, Янсзон предпочел отчалить. Однако составил первые карты австралийского побережья. Кук же совершил другие замечательные открытия, о которых пойдет речь в третьей главе.

Во-вторых, до европейцев австралийцы нередко контактировали с жителями других земель. По-настоящему оторваны от мира были только некоторые из племен. Скажем, жители Тасмании, острова к югу от Австралии, действительно провели в полной изоляции примерно десять тысяч лет — с тех пор, как ушел под воду перешеек между Тасманией и австралийским материком.

Аборигены Северной Австралии между тем активно контактировали с австронезийцами. Вспомним

Австралийский нож для обрезания, 1850–1920

знаменитых собак динго. Их завезли на континент отнюдь не европейцы: самые ранние находки собачьих костей в Австралии относятся археологами к середине II тысячелетия до нашей эры[3]. Но с начала освоения континента предками современных аборигенов прошли десятки тысяч лет, а закончилось оно примерно шесть тысячелетий назад, когда из-за повышения уровня моря Австралия оказалась отделена от Новой Гвинеи, как ранее от Тасмании[4].

Следовательно, во II тысячелетии до нашей эры динго в Австралию привезли не европейцы, а кто-то другой. Скорее всего, это действительно сделали австронезийцы. Разумеется, это произошло так давно, что в австралийских мифах собака встречается сплошь и рядом, причем не только в качестве верного друга или объекта кулинарии, что нам знакомо по евразийскому опыту, но и как единица измерения низкой температуры. О холодной ночи австралиец мог сказать, что это была ночь четырех или пяти собак — именно столько их, по его мнению, нужно было положить рядом с собой, чтоб согреться[5].

Собаки динго не единственное доказательство контактов между австралийцами и внешним миром: еще одним могут послужить трепанги — беспозвоночные,

часто называемые «морские огурцы». Северное побережье Австралии ими исключительно богато. А в Китае трепанги издавна считаются полезными для здоровья вообще и мужской потенции в частности (свойство, которое приписывается, кажется, каждому второму препарату китайской медицины). Еще в XVIII веке, до начала европейской колонизации Австралии, китайцы покупали австралийские трепанги (а по мнению некоторых исследователей, делали это даже в Средние века). Конечно, торговля шла не напрямую, а через длинную череду посредников, жителей островов Индонезии, которые выменивали трепангов у австралийцев[6]. Изредка австралийские товары могли доходить, по-видимому, даже до Италии. Недавно историки обнаружили в одной европейской рукописи XIII века изображение какаду — птицы, которая в природе за пределами Австралии, Новой Гвинеи и некоторых тихоокеанских островов[7] не встречается. Так что аборигены косвенно уже входили в систему мировой экономики, хотя и не знали денег. Некоторые исследователи считают, что от индонезийских купцов они могли получить и какие-то сведения об исламе. Вопрос этот, впрочем, спорный[8].

И все же с внешним миром до прихода европейцев контактировали в основном северные австралийцы. Остальные же имели дело только с другими аборигенами. Культурного обмена это не отменяло: Австралия — большой континент, и в разных его регионах сформировались хотя и связанные друг с другом, но во многом самостоятельные традиции. Современные лингвисты

Два аборигена с динго, 1957

насчитывают на континенте 27 разных языковых семей и гораздо большее число отдельных языков и наречий, входящих в них. Однако мифы, песни и ритуалы преодолевали языковые границы и огромные расстояния. Это позволяет нам рассматривать австралийскую религию и ее связь с экологией в совокупности.

Неудачный континент

Да, австралийцам не повезло с Австралией.

В современной науке ведется большая дискуссия о том, насколько экологические условия влияют на

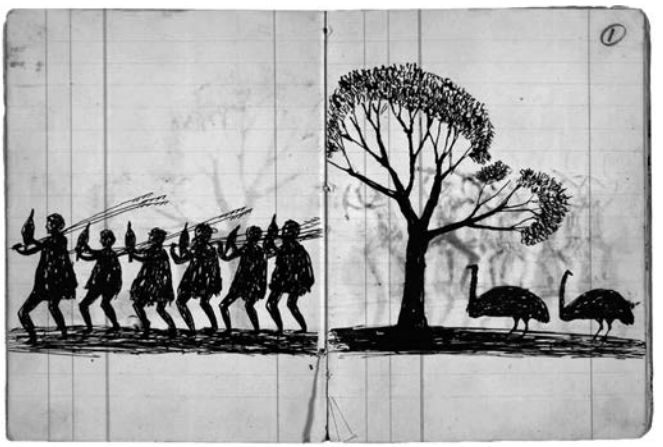
развитие культуры. Одни исследователи, так называемые «географические детерминисты», рассматривают культуру как производную географии. В некоторых случаях оспорить эту позицию сложно: у ацтеков не было лошадей, а у конкистадоров были, и тут влияние географии бесспорно — лошади водились в Евразии, но не в Америке. С географическими детерминистами спорят те, кто рассматривает культуру как нечто вовсе отдельное от географии, и занимающие умеренную позицию «географические поссибилисты», допускающие косвенное и умеренное влияние природных условий на культуру. Да, говорят они, у ацтеков действительно не было лошадей. Но какие объективные географические обстоятельства помешали им использовать, скажем, колесо? Лошадь для него не требуется[9]. Что помешало китайцам колонизировать Австралию, когда европейцы завоевывали Америку? Географически это было ничуть не сложнее. Как вы уже поняли, книга, которую вы сейчас читаете, написана с поссибилистских позиций: не отрицая влияния географических условий, мы не будем и абсолютизировать их.

Но как бы ни спорили ученые, в отношении Австралии сходятся все: менее благоприятные условия для жизни найти на планете непросто. Бóльшую часть континента занимают пустынные и полупустынные зоны, где занятия сельским хозяйством совершенно невозможны. В тех немногих областях, где теоретически оно могло быть продуктивным, — на севере, востоке, на юге в районе реки Муррей — на практике его существование

все равно оказалось невозможным, потому что просто нечего было разводить. Местные животные и растения мало подходили для сельского хозяйства. Правда, во времена, когда люди только пришли в Австралию, там водились и другие животные, в том числе знаменитая местная «мегафауна», крупные млекопитающие. Но они вымерли (весьма вероятно, не без помощи первобытных охотников) за тысячи лет до того, как в Евразии произошла неолитическая революция, то есть возникло земледелие и скотоводство.

То же касается и растений: по-видимому, на континенте в момент появления человека росли дождевые леса, сохранившиеся еще со времен, когда Австралия была частью Гондваны. Как ни сложно сейчас в это поверить, все здесь было покрыто растительностью[10]. Но в наши дни дождевые леса составляют пару процентов от территории континента, сохранившись только на восточном побережье, а центральную часть Австралии занимают пустыни и заросли кустарников. В чем причина? Вероятно, сыграло роль и изменение климата[11], но все же дело не обошлось без поджогов: первобытные охотники сжигали лес, чтоб выгнать из него дичь — ту самую мегафауну, о которой шла речь выше. Правда, последние исследования показывают, что, возможно, виноваты были не только люди.

В мифологии австралийцев образ сокола часто связан с огнем. В одном из мифов, записанных в штате Виктория (его приводит еще Дж. Фрэзер, классик религиоведения), рассказывается, что огонь был похищен птицами



Охотники и эму, 1875. Рисунок Томми Макрея, одного из самых известных художников-австралийцев XIX века

у его первоначального хозяина, бандикута — маленького сумчатого зверька, отдаленно напоминающего кролика. Когда голубь отвлек внимание бандикута, тот вынужден был бросить тлеющую головешку, а сокол сумел подхватить ее, но затем уронил вниз. Трава загорелась, и люди узнали, что такое огонь[12].

Религиоведам эта и аналогичные истории известны давно, а вот биологи заинтересовались ей совсем недавно. И обнаружилось, что за мифом скрываются реальные наблюдения: австралийские соколы действительно выхватывают из пожаров, а иногда и из разожженных людьми костров веточки, которые после этого

сбрасывают в ближайших лесах. И потом охотятся на убегающую от пожара добычу[13]. В том числе и на бандикутов. Вряд ли, конечно, первые австралийцы научились пользоваться огнем у птиц; освоение огня произошло куда раньше, чем самые древние миграции в Австралию. Но мифы об «огненных соколах» тоже едва ли возникли случайно: подглядеть у птиц идею выжигания лесов ради добычи люди вполне могли.

Так или иначе, последние несколько тысячелетий у жителей континента не было ни животных, пригодных для животноводства, ни сельскохозяйственных культур для земледелия[14]. Единственной попыткой перехода к своего рода сельскому хозяйству, которую они смогли сделать до эпохи колонизации, было создание загонов для рыбы: гениальная идея, показывающая, что земледелие и скотоводство не единственные возможные пути развития неолитической революции[15]. В одной из следующих глав мы узнаем, что по этому же пути шли и полинезийцы. Но в отличие от полинезийцев, живших на островах, большинство австралийцев строить загоны для рыбы все же не могли, поскольку не имели доступа ни к морю, ни даже к рекам.

Пространство и время

Отсутствие сельского хозяйства не означало, что австралийцы голодали: охотники и собиратели могут жить не менее сытно, чем земледельцы, и даже питаться более разнообразно. Однако сельское хозяйство важно не

только для развития кулинарии — возможно, намного важнее его социальная роль.

Земледелие приучает людей работать вместе. Корешок можно найти и в одиночку, но поле в одиночку не вспашешь. К тому же личное хозяйство закрепляет в сознании понятие собственности: кенгуру скачет, где хочет, и ему неизвестны племенные границы, а вот на нашем поле сажать пшеницу можем только мы.

Когда вместе с сельским хозяйством рождается организация общества, возникает и возможность прокормить лишние рты. Людей, которые не производят еду: королей, чиновников, солдат. И конечно, священнослужителей, которые непосредственно влияют на формирование главной интересующей нас сферы — религии.

В Австралии сельского хозяйства не было, и потому организация общества могла сохраняться только на уровне племен и родовых общин, без всяких шансов на создание государства. Если развитие общества определяется его организацией, коренные жители Австралии должны быть названы одними из самых отсталых на планете. Но это вовсе не значит, что их культура не представляет интереса. Напротив, именно поэтому религиозная жизнь австралийцев оказывается ни на что не похожей.

Экологические условия существования австралийцев не позволяли развивать социальную структуру, а значит, и религиозную систему в привычном для нас смысле. У них были свои знахари, но отсутствовал развитый институт жречества или что-то подобное. Не было

и мифологии в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это понятие. Написать книжку «Мифы и легенды древних австралийцев» так, как это сделал Н.А. Кун с мифами древних греков, не получится, потому что предания южного континента устроены принципиально иначе.

Как правило, в мифологических текстах мы ищем ключевые организующие сюжеты: Зевс свергает Крона, Афина выходит из головы Зевса, герой, бог или святой убивает чудовищного змея, великоколесничные бойцы рубят друг друга у стен Трои в «Илиаде» или на индийском поле Куру в «Махабхарате». Привычные нам индоевропейские мифологии организованы в рамках пространственно-временной логики: у них есть центральные сюжеты, последовательность событий — сперва Крон, потом Зевс, в конце Афина, но не наоборот. Действие этих мифов может происходить и в привычных местах (скажем, в родном городе древнего грека или египтянина), но будет включать в себя и особые пространства: вершину Олимпа, Аид, Тартар.

В реальном и привычном мире, конечно, тоже могут быть места, связанные с мифами. Грек, шедший из Коринфа в Афины, знал, что путешествует в тех краях, где Тезей совершал подвиги, а римлянин, гуляющий по своим семи холмам, вспоминал священную историю города. Но все же по большей части дорога из Коринфа в Афины, как и многочисленные римские закоулки, никакого сакрального значения не имела. Точно так же «Путь святого Иакова» — знаменитый маршрут паломничества к Сантьяго-де-Компостела, по которому шли

и идут тысячи пилигримов, включает места для поклонения: соборы, мощи и так далее. Но все же в основном это просто дорога, и окружающие ее объекты не известны никому, кроме местных жителей и специалистов-краеведов.

Австралийская мифология устроена совершенно иначе. Древние австралийцы не знали истории и хронологии в европейском смысле, зато были необыкновенно сильно связаны с окружающим их ландшафтом. Возможно, сильнее, чем какой бы то ни было другой народ.

Не то чтобы у австралийцев вовсе не было категории времени: все-таки они знали, что люди взрослеют, достигают возраста инициации или брачного возраста, а потом стареют. Но у них не было календаря и какой-либо идеи истории. Почему? Большую роль в этом играла та специфическая ситуация — экологическая, географическая, климатическая, — в которой они находились.

Во-первых, у них не было сельского хозяйства, а значит, и соответствующего календарного цикла. Важно было следить за поведением животных — и действительно, в названиях времен года в австралийских языках часто можно найти отсылки к зверям и птицам. «Сезон брачующихся черепах», «сезон гусиных яиц» — так обозначались периоды, в которые было проще ловить черепах и собирать яйца. У одного из племен на севере Австралии насчитывалось семь таких «времен года»[16].

Но сезоны шли по кругу без принципиальных изменений погоды. Всякий житель России или Швеции знает, что есть время, когда природа умирает. В большинстве

регионов Австралии ничего подобного не происходит. Исключения есть: скажем, в штате Виктория зимой даже выпадает снег. Но это, во-первых, самый юг (то есть самая холодная часть континента) и, во-вторых, район Большого Водораздельного хребта (пусть и не очень высоких, но все же гор). И вот на них-то в холодный сезон и ложится снег. На большей же части континента смена времен года не столь заметна. Разница температуры зимой и летом может составлять градусов десять, но все равно практически не опускается ниже 10–15 °С. Погода может меняться, но шить шубы и запасать еду на зиму необходимости нет. А значит, нет необходимости и в отсчете времени. Нет отсчета времени — нет точного календаря, месяцев и лет. Нет календаря — нет истории. Нет истории — нет времени в нашем понимании. Время как нечто протяженное осмысливается тогда, когда мы храним память о прошлом и пытаемся заглянуть в будущее. Но, если прошлое всегда одинаково и неизменно, а будущее подобно ему, человек может обойтись без истории и точного времени.

Однако недостаток точного времени компенсируется в австралийской культуре необыкновенной точностью пространства. Время оказывается привязано к нему, и не только на мифологическом, о чем еще будет сказано ниже, но и на лингвистическом уровне.

В 2010 году две замечательные исследовательницы Лера Бородицкая и Элис Гэби опубликовали статью, в которой продемонстрировали, что австралийские аборигены из группы пормпурааy обладают исключительно

точной ориентацией в пространстве и это прямо связано с их языком и культурой[17]. Вот что Лера Бородицкая рассказывает об этом в одном из своих интервью: пормпурааy «*вместо "лево" и "право" говорят "север", "юг", "восток" и "запад". Например: "У тебя муравей на юго-восточной ноге". Это означает, что, объясняясь на этом языке, вы должны постоянно знать свое положение относительно сторон света. По-английски вы приветствуете знакомого словами "hello" или "how are you" и получаете ответ: "fine". На языке пормпурааy вы должны сказать: "Куда идешь?" — а ответ будет, например, таким: "Очень далеко на северо-северо-восток. А ты?"*»[18].

Запомним эту географическую привязку к реальности и обратимся к еще более замечательному примеру.

Во время одного из лингвистических экспериментов Гэби и Бородицкая изучали восприятие времени австралийцами, говорящими на языке тайоре. Большинство респондентов были билингвами — людей, говорящих только на тайоре, в мире практически не осталось, да и вообще носителей этого языка всего пара сотен. В ходе исследований выяснилось, что, во-первых, на языке тайоре вообще нет разницы между понятиями «пространство» и «время» — оба они обозначаются словом «раак». Например, полдень — это раак солнца, находящегося наверху. Это и время, когда светило в зените, и его местоположение. Во-вторых, обнаружилось, что восприятие тайоре времени в принципе географично. Бородицкая и Гэби раздавали им карточки, на которых были нарисованы объекты на разных этапах развития — например,

с изображением крокодильего яйца, детеныша крокодила, молодого крокодила и старой крупной особи — и просили расположить их в правильном порядке. Естественно, тайоре располагали все как надо — от яйца к старому крокодилу, но всегда раскладывали карточки с востока на запад, вне зависимости от того, как сидели. Американцы во время проведения контрольных экспериментов раскладывали карточки слева направо, в порядке чтения или по часовой стрелке. Я воспроизвел этот эксперимент со слушателями моих лекций в Москве: результат был тем же. Полагаю, что всякий человек, живущий в рамках западной культуры, поступит именно так. Устройство нашего языка и наше понимание времени как абстракции, отделенной от пространства, способствуют этому. Но для тайоре время не отделено от пространства и течет не как-нибудь, а именно с востока на запад[19]. Скорее всего, потому что так движется солнце по небосводу. Однако принципиальное значение имеет не столько направление, сколько сам факт неразрывной связи времени и пространства в мышлении австралийских аборигенов[20].

Рыбы едят эму

Все это может показаться не связанным с религией, однако в действительности связь здесь самая прямая: мало что так влияет на религиозное мышление, как отношение ко времени. Но прежде, чем говорить об этом, давайте обратимся к одному австралийскому мифу, который

покажет нам связь религии и географии на практике. Это красивая история любви, которую рассказывают в племени мункан, живущих на полуострове Кейп-Йорк на севере Австралии. Начинается она так:

◈ ◈ ◈

«Мин Дьинтан, рыба-коготь, была когда-то женщиной. Ее мужем был Йоукаиван, болотная рыба (а рыба-коготь — это речная рыба). Они пошли на запад. В Вутьомбино они сделали остановку. Потом опять пошли дальше на запад. Они вырезали соты с медом, завернули их в кору чайного дерева и, неся их, пошли дальше. Потом они убили копьем журавля.

— Давай остановимся здесь!

Они разводят костер, кладут на него обломок термитника, ощипывают журавля…»

Потом пара жарит журавля, идет дальше, снова останавливается, продолжает путь, убивает эму, останавливается, идет, убивает журавля — и так далее. Каждая их остановка, случай, когда они кого-то убивают, готовят еду, ложатся спать, снова отправляются в путь — все тщательно описывается в мифе, и каждый раз говорится о том, что «они идут» на запад, к морю, против ветра. Всего примерно на страницу мифа глаголы, связанные с перемещением, употребляются 14 раз. Наконец пара приходит в место назначения. Там они готовят себе еду и спят, но затем происходит нечто неожиданное.

«Потом жена встает. Ее муж, мужчина, все еще спит.

— Теперь вставай!

— Нет, я не могу!

— Вставай!

Без толку. Он лежит и лежит там».

Жена пытается разбудить мужа. Наконец он встает — и тут же садится. Его не держат ноги, он падает.

«— Ничего не получается! Я только падаю и падаю! Я тону, ухожу от тебя! Держи меня за руку или я утону совсем!

Он погружается все глубже в воду.

— Туда я ухожу!

— Мы уйдем вместе, — говорит его жена. — Вот сейчас уйдем вместе!

Там, между камнями, в ручье, они ушли под воду — они оба. Там, в Вутьомбино, они вместе ушли вниз, муж и жена. Это место между камнями называется Вутьомбино»[21].

◈ ◈ ◈

Конечно, это история о происхождении двух рыб, в которых герои превращаются в конце мифа, и одновременно о преданной любви. Но в то же время бóльшую часть истории (примерно две трети) занимает не превращение и не любовь, а длительное и детальное описание путешествия со всеми движениями и остановками. Оно тщательно привязано к реальной географии, начинается и заканчивается в конкретных местах. Во множестве других австралийских мифов мы встречаем такие

же точные географические привязки — скажем, племя маунг рассказывает о путешествиях своих предков не абстрактно, а детально и конкретно: герой мифа подошел «к Инимейарвиламу в устье реки Кинг… переплыл на другой берег… отправился немного выше по течению реки в Анивунггалаинджун» и наконец, попутно превращаясь в крокодила, «поднялся в небо и присоединился к Млечному Пути»[22]. Хотя в мифе, записанном во второй половине XX века, уже смешаны австралийские названия с английскими, он все равно детально воспроизводит географию родных для муанг мест и, конечно, звездное небо над их головами (австралийцы уделяют звездам много внимания, видя в них героев своих мифов и воспринимая небо как продолжение земли). Но эта географическая точность совершенно не сопровождается точностью темпоральной. Мы знаем, где происходят эти истории, но не знаем когда. Вернее, знаем — но этот ответ может счесть точным только абориген. Мифы австралийцев происходят во «времени сновидений».

Время сновидений

Сам термин «время сновидений» был выдуман англоязычными исследователями как попытка перевести слова «altjira» или «alcheringa» и несколько их соответствий из других языков. По мнению разных авторов, они могли переводиться и как «сновидение«, и как «нечто вечное, несотворенное», и как «загадка», и как «время

вне времени», и как «время предков». Языки аборигенов отражают способ мышления настолько отличный от нашего, что адаптация их понятий к привычным для нас — задача непростая. Но понятие «время сновидений» давно уже устоялось в научной литературе, и судя по тому, что современные аборигены это словосочетание переняли и используют, оно не так уж плохо отражает первоначальную идею[23].

«Время сновидений» — это период, в котором происходит действие мифов. Во «времени сновидений» мир приобретает свои нынешние очертания. По пустынной (или покрытой соленой водой), в общем, непригодной для жизни и никак не организованной земле, в некоторых мифах лишенной даже рельефа, бродят существа, которых австралийцы называют предками. Это не люди — люди, как мы помним, оставались своего рода заготовками, которые еще предстояло разрезать. Австралийская мифология не знает момента абсолютного начала, творения из ничего. Циклическое время, в котором живут аборигены, исключает образы начала и конца. Но все же оно допускает изменения окружающего мира.

Именно эти изменения и совершали предки, существа, блуждавшие по Австралии. Они придали форму людям и животным. Своими странствиями они определили рельеф, флору и фауну — тот мир, в котором живут австралийцы. В современных терминах мы могли бы сказать, что предки во «времени сновидений» создали австралийскую экосистему, но, конечно, аборигены не мыслили такими категориями.